

А. А. Бушуева
**ПОВЕСТВОВАНИЯ О СМЕРТИ БОГОХУЛЬНИКОВ
 В ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЯХ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
 В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-185-193

УДК 94(47)“18/19”:82-97 ББК 63.3(2)53+86.372.24-12

В статье рассмотрены особенности рассказов, опубликованных в церковных журналах конца XIX — начала XX в., о «чудесной» смерти — каре богохульников. Историографический пробел в этой области определяет новизну работы. В основу исследовательской методологии легли модель «эмоционального процесса» Н. Фрайды и Б. Месквито, концепция «публичных образов чувствования» К. Гирца («эмоциональных матриц» А. Л. Зорина) и концепция текстовых «эмоциональных сообществ» Б. Розенвейн. Нарративное однообразие рассказов о «каре Божьей», их жесткие жанровые рамки, принадлежность сообществу авторов и читателей из духовного сословия позволили выделить в них стабильные эмоциональные структуры. Во-первых, богохульство истолковано как форма «эмоционального» преступления, выделены характерные черты богохульника как субъекта эмоций: это носитель деструктивных переживаний, неспособный контролировать разрушительные для него и социально опасные чувства (гнев, злобу, ненависть), склонный к неблагоприятному веселью, дерзкий. Во-вторых, богохульник рассмотрен как объект эмоций религиозного «моралиста», в роли которого выступал автор (рассказчик) истории и, как предполагалось, должен был выступить читатель текста: они ощущали неприязнь к грешнику, отчуждение от него, удовлетворенность гибельным исходом его преступления. В-третьих, исследованы формы выражения ключевой для жанра эмоции — страха (ужаса), предложена трехмерная модель ее анализа: страх жертвы «Божьего суда», страх очевидцев «чуда», страх автора — комментатора и публикатора.

Ключевые слова: *история эмоций, русская православная церковь, епархиальные ведомости, церковная публицистика, богохульство, танатология*

*Методология исследования
и источниковая база*

В немногочисленной российской историографии «истории эмоций», полноценная характеристика которой выходит за рамки этой статьи, можно выделить следующие группы исследований: 1) сборники по итогам тематических конференций;¹ 2) отдельные исследования эмоциональной культуры разных

сословий дореволюционной России² и общественных настроений на завершающем этапе ее бытия;³ 3) работы про советскую эпоху.⁴

¹ См. сборник, вышедший по материалам московской конференции 2008 г.: Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. См. также обзоры конференций 2023 г.: Захарова Я. Международная научная конференция «Сквозь слезы: русская эмоциональная культура» (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, «Новое литературное обозрение», 25–26 ноября 2022 г.) // Новое литературное обозрение. 2023. № 2. С. 379–384; Мильчина В. Российская научная конференция «(Авто)биографическая печаль: эмоции в личных нарративах и исследовательских практиках XVI–XXI веков» (ШАГИ РАНХиГС, 30 сентября — 1 октября 2022 г.) // Новое литературное обозрение. 2023. № 2. С. 400–413.

² См.: Голикова С. В. Кликушество: эмоции и власть (по материалам Урала XIX — начала XX в.) // Вестник Уральского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 4. С. 52–59; Кобозева З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX — начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013; Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

³ См.: Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020; Он же. Война патриотизмов. Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М., 2023; Булдаков В. П. Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918–1920 гг.) // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: материалы международного colloquium. СПб., 2020. С. 199–210; Годунов К. В. Первая годовщина революционного Октября: к вопросу об особенностях эмоционального режима периода Гражданской войны // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2022. № 1 (56). С. 112–121. См. также как образец западной русистики: Стейнберг М. Пролетарское воображение. Личность, модернизм, сакральное в России, 1910–1925. СПб., 2022.

⁴ См.: Рожков А. Ю. Эмоциональные переживания юного арестанта ОГПУ (Краснодар, 1928 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 6-1. С. 95–103; Макарова Н. Н. Эмоциональное сообщество и повседневная жизнь учителей Магнитогорска (1929–1941 годы) // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 168–182 и др. ее статьи; Амосова А. А. Советская элита Ленинграда 1950–1956 годов: эмоциональные аспекты служебной повседневности // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 667–684.

Бушуева Анна Андреевна — магистр истории, преподаватель-исследователь, ассистент кафедры «История и документоведение» (Гуманитарный институт), Курганский государственный университет (г. Курган) E-mail: anna_b2022@mail.ru

Историк, поднимающий вопрос эмоциональных переживаний людей прошлого, неизбежно вступает на междисциплинарное поле. В нашем исследовании использованы традиционные методы — историко-сравнительный, историко-типологический, герменевтический. Кроме того, применена модель «эмоционального процесса» голландских психологов Н. Фрайды и Б. Месквито: событие в процессе «кодирования» (*event coding*) определяется «субъектом эмоции» как «опасность, оскорбление, соблазн, шок и пр.» и предполагает соответствующую оценку (страх, гнев, удивление и пр.), которая, в свою очередь, порождает «готовность к действию», реализующуюся в поведении (или не реализующуюся — в зависимости от уровня «субъективной вовлеченности» реагирующего).⁵ Эти процессы имеют культурную основу: по К. Гирцу, человек не может разобраться в собственных чувствах без «публичных образов чувствования» (они же — «эмоциональные матрицы», предоставляемые культурой).⁶ Соответственно, только после выявления принятых в обществе эмоциональных стандартов могут быть поняты частные выражения эмоций.⁷

Для нас также важна концепция текстовых «эмоциональных сообществ» Б. Розенвейн, в рамках которой люди связаны через средства коммуникации;⁸ литература (как и религиозная публицистика) — канал распространения единых моделей чувства⁹ (в нашем случае — норм «чувствования» по поводу «богохульников» и их смерти-кары).

По мнению А. Л. Зорина, в отношении культурных ситуаций, характеризующихся «единством и последовательностью эмоционального опыта», большие перспективы имеет метод анализа эмоций как «нарративных структур, построенных по образцу сценариев».¹⁰ Мы используем этот метод для анализа «легенд-быличек»¹¹ о «каре Божьей» конца XIX — начала XX в. — мономоральных сюжетов с предопределенным жанровой традицией набором нарративных схем. Наша источниковая подборка включает 27 публикаций из 8 церковных

периодических изданий (Тобольских, Рязанских, Пермских, Вятских, Томских, Астраханских и Иркутских епархиальных ведомостей и «Вестника военного духовенства»), содержащих 29 сюжетов «чудесной» смерти богохульников. Цель исследования — выделить в них устойчивые эмоциональные сценарии, соотнеся их с жанровыми функциями источника (его жанровые черты изучались филологами, фольклористами;¹² эмоциональные аспекты не становились предметом рассмотрения).

*Церковная литература как основа
«эмоционального сообщества»:
проблема авторства источника*

Прежде чем выделять в источнике эмоциональные структуры, следует определить: 1) принадлежность заложенных в нем «эмоциональных матриц» к определенному «эмоциональному сообществу»; 2) какой аудитории они транслировались в качестве нормы посредством публикации.

Авторство текстов делилось между рассказчиком (информатором) и автором опубликованного варианта (если обе роли не играло одно лицо — священник — очевидец «чуда»). В большинстве случаев рассказчик происходил из народной (крестьянской) среды, в то время как автор-публикатор — из духовного сословия. Тогда чьи эмоциональные нормы преобладали в источнике — народные или пастьерско-церковные? В целом в «быличках» взгляды представителей духовного ведомства не входили в противоречие с народной верой в «кару Божью»: авторы подхватывали народную интерпретацию смерти богохульника и усиливали ее четкой моралью и назиданием, воспроизводили, корректируя и дополняя, услышанное в среде своей паствы.

Итоговый продукт предназначался главным образом для внутрисословной читательской аудитории: на епархиальные ведомости подписывались «приходы, духовные училища, монастырские библиотеки, братства, а также ряд губернских и земских учреждений», их приблизительный тираж «равнялся числу

⁵ См.: Зорин А. Л. Указ. соч. С. 29, 30.

⁶ См.: Там же. С. 30.

⁷ См.: Там же. С. 16.

⁸ См.: Плампер Я. История эмоций. М., 2018. С. 111–113.

⁹ См.: Зорин А. Л. Указ. соч. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ См.: Шеваренкова Ю. М. Легенды-былички как жанровая разновидность фольклорной легенды // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. С. 52, 53.

¹² См.: Штырков С. А. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии. СПб., 2001. Вып. 1: Фольклористика. С. 198–210; Шеваренкова Ю. М. Указ. соч. С. 52–57; Стрелкова О. С. Жанр рассказа о чудесах на страницах Курской духовной периодики XIX — начала XX вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6 (44). С. 253–259.

приходов плюс еще сто экземпляров».¹³ Например, на «Тобольские епархиальные ведомости», по словам А. А. Валитова, частные лица не подписывались — почти весь тираж расходился по церковным причтам.¹⁴ Масса читателей вне духовного сословия представляла собой скорее воображаемую аудиторию, в расчете на которую составляли нравоучительные тексты, в действительности едва ли ее достигавшие (возможно, достигавшие опосредованно — через пересказ их содержания пастырями во время проповедей).

В историях о «справедливом возмездии» церковные публицисты воссоздавали идеальное мироустройство, в рамках которого грешники (кошунники, святотатцы, раскольники, атеисты, нарушители поста, уклоняющиеся от призыва на воинскую службу и др., включенные в общую категорию «богохульников») получали немедленное и в высшей степени поучительное для свидетелей наказание в соответствии с религиозной моралью. В них божественная сила карала за брошенный себе вызов, за публичное, демонстративное отрицание ее могущества и ее атрибутов (икон, креста, всеведенья и т. д.), тем самым восстанавливая «верный» порядок вещей и столь же демонстративно — посредством явленного всем «чуда» — возвращая в привычное русло пошатнувшееся из-за кошунства мироздание. Они отвечали психологической потребности читателей из духовного сословия в наглядном подтверждении божественного могущества, позволяли бедному и подчас не слишком уважаемому в приходе сельскому священнику ощутить себя на стороне силы, способной покарать смертью, и подчеркнуть свою — представителя этой силы — власть над паствой.

«Богохульство» как эмоциональный акт

Эмоциональные портреты многих героев «быличек» изображали их жертвой собственных деструктивных переживаний: злобы, ненависти, гордыни, гнева. «Злым человеком» был назван неблагочестивый вдовец: «сомнительно, чтобы в деревне кто-нибудь остался не обижен им».¹⁵ «Закоренелый, упорный раскольник» С. Еликов «не мог сдержать обу-

ревавшую душу его злобу», не мог ощутить радость и умиление от обретения селом новой храмовой иконы, был поработчен «гордыней» и «ненавистью ко всему».¹⁶ «Человеконенавистничеством», по мнению церковного автора, отличался и оратор-большевик.¹⁷

Многие преступники действовали, кажется, под влиянием минутной эмоции, бездумно, безрассудно: дважды подчеркнуто, что раскольник-«кресторугатель» поступал «не по разуму», не «благоразумно» (как и купеческий рабочий, проявивший «легкомыслие»);¹⁸ как и виновный в «легкомысленном отношении к религиозным вопросам» социалист¹⁹), и так же дважды — как «слепой», «в слепоте»²⁰ (на то же «ослепление духовное» обратил внимание священник И. Ильигорский).²¹ Гнев, запальчивость, азарт сопровождали богохульства старообрядки А. Мироновой,²² подрядчика М. Фадеева,²³ атеиста на митинге.²⁴

С неблагоразумием можно связать и захваченность героев весельем, стремление к сиюминутному удовольствию. «Благочестие» и «строгость» поведения купца и купчихи, почтивших икону торжественной тишиной, противопоставлены «легкомыслию» мужиков-рабочих, их нежеланию бросить песни и пляску.²⁵ Обманув призывную комиссию, молодой крестьянин «всю дорогу домой... пел песни, смеялся, шутил»: его радость (как и предшествовавшая ей тоска из-за вынужденной разлуки «с молодой женой и маленьким сынишкой») не вызвала сопереживания у автора, поскольку, в его понимании, герой отверг «жребий Божий»,²⁶ уклонившись от военной службы, а значит, предавался «нечестивой» радости.

Народное веселье в форме танца, пения, самоодурманивания спиртными напитками

¹³ Нетужилов К. Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 7, № 21-1. С. 181.

¹⁴ См.: Валитов А. А. История Тобольских епархиальных ведомостей // Труды Тобольской Духовной семинарии. Тобольск, 2011. Вып. 2. С. 51.

¹⁵ Ландышев Иоанн, свящ. Смерть грешников люта // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 5. С. 29.

¹⁶ См.: Семенов Николай, свящ. Бог поругаем не бывает // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 13. С. 171–173.

¹⁷ См.: Чудеса в наши дни // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 18–20. С. 294.

¹⁸ См.: Наказание Божье кошуннику // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 9, 10. С. 243.

¹⁹ См.: Ильигорский И., свящ. Наказание смертью за богохульство // Тобольские епархиальные ведомости. 1917. № 32. С. 463.

²⁰ См.: Дударев М. Смерть раскольника кресторугателя // Тобольские епархиальные ведомости. 1886. № 12. С. 217.

²¹ См.: Ильигорский И., свящ. Указ. соч. С. 463.

²² См.: Беллюсов К., свящ. Кара Господня над хулительницей церкви Божьей // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. № 23–24. С. 490, 491.

²³ См.: Поникаровский П., свящ. Кара раскольника-хулителя св. угодников Божьих // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 23–24. С. 528.

²⁴ См.: Чудеса в наши дни... С. 294.

²⁵ См.: Наказание Божье кошуннику // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 9–10. С. 243.

²⁶ См.: Наказание Божие за уклонение от военной службы // Вестник военного духовенства. 1902. № 22. С. 692, 693.

подразумевало отсутствие правильного состояния ума в момент свершения, противостояло благочестивой сосредоточенности вблизи священных предметов и образов. Например, «веселая беседа и попойка» помешали крестьянам присоединиться к церемонии поминовения усопших и стали причиной их преждевременной гибели,²⁷ а возвращение икон в церковь «без должного благоговения на телегах, с песнями» привело к гибели одного из «песенников».²⁸

С этой точки зрения, многие преступники были наказаны за то, что совершили по неразумию, под влиянием неукротенного чувства (гнева/злости, запальчивости, ненависти, гордыни), неумения владеть собою (нередко отягощенного алкогольным опьянением).

Порой богохулению сопутствовал недобрый юмор — глумление, ирония.²⁹ Но даже беззлая шутка могла стать причиной смертельного наказания,³⁰ потому что способность шутить над священным порождала недопустимое пересечение профанного и сакрального, подрывала торжественную иерархию религиозных образов (и религиозной власти), ставших предметом осмеяния. Насмешка и вызов (дерзость) прозвучали в словах «безбожника»: «...эту икону называют чудотворною, то пусть она и сотворит со мною чудо».³¹ Еврей-коммерсант расстался с жизнью за то, что «с насмешкой отзывался о христианстве, отпускал разного рода шутки и остроты на религиозные темы».³²

Различные авторы неоднократно характеризовали богохульников как дерзких («дерзающих», произносящих «дерзости»)³³ Веселье, изгоняющее торжественную строгость

мысленного уклада, юмор, ирония означали отсутствие страха, в котором герои историй признавались сами или же обвинялись рассказчиками. Так, большевик на призыв побояться Бога ответил, что «никакого Бога не боится» («ибо никакого Бога нет»);³⁴ «не страшась»³⁵ действовал «кресторугатель»; «бесстрашным богохульником»³⁶ назван разрушитель поста, убежденный в своей безнаказанности; «страха и трепета»³⁷ перед Богом недоставало крестьянину, вышедшему на работу в праздник; «жена значительного чиновника» «хвалилась своим неверием» и «не стыдилась» его;³⁸ солдат-«безбожник» «самодовольно» рассказывал о стрельбе в икону.³⁹

Такое же бесстрашие на фоне греха проявил извозчик, где-то «около гор. Пинска» ограбивший юношу и оставивший его умирать привязанным к дереву в зимнем лесу: этот сюжет наиболее близок к жанру народной сказки (не указаны точное место и время случившегося, авторство, имена героев, присутствует сказочный мотив выбора своей смерти: «Хочешь — убью, или быть может хочешь быть повешанным? Выбирай!..» — и мотив чудесного спасения жертвы).⁴⁰ Это единственный рассказ из нашей подборки, где грешник покаран не за «преступление против веры», а за покушение на чужую жизнь и имущество. Здесь Бог выступил в роли спасителя невинных: его вмешательство в виде внезапной смерти преступника освободило жертву.

Богохульники в фокусе авторских эмоций

Авторы стремились воссоздать нравственный облик богохульника за пределами конкретного преступного акта, тем самым вводя его/ее смерть в нарратив о справедливом суде — закономерном воздаянии за нечестивую жизнь, не только за единственный проступок.

В большинстве случаев погибшие получали отрицательные характеристики со стороны авторов/рассказчиков: главное действующее лицо текстов этого жанра — «злодей». В этом изводе осужденные пали жертвой собственной

²⁷ См.: Грозное вразумление // Пермские епархиальные ведомости. 1892. № 5. С. 180.

²⁸ См.: Божие наказание // Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 12. С. 450.

²⁹ См.: Поникаровский П., священник. Указ. соч. С. 528; Надеждин А., священник. Вразумительный для богохульников перст Божий // Рязанские епархиальные ведомости. 1887. № 5. С. 117; Нектаров М., священник. Божие наказание за глумление над святой верою и благочестием родной матери // Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 7. С. 273; Просто ли совпадения? // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 29–31. С. 281.

³⁰ См.: Попов Ст., священник. Вразумление свыше // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 17. С. 811.

³¹ Божие наказание // Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 19. С. 678.

³² Вразумительное обстоятельство // Астраханские епархиальные ведомости. 1898. № 17. С. 774.

³³ См.: Беллюсов К., священник. Указ. соч. С. 490, 491; Наказание Божие кошунику... С. 244; Т-ий А. Божие наказание // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 23. С. 327; Наказанное кощунство // Пермские епархиальные ведомости. 1892. № 3. С. 108; Вразумительное обстоятельство // Астраханские епархиальные ведомости. 1898. № 17. С. 774; Грозное вразумление // Иркутские епархиальные ведомости. 1870. № 38. С. 469.

³⁴ См.: Чудеса в наши дни... С. 294.

³⁵ См.: Дударев М. Смерть раскольника кресторугателя // Тобольские епархиальные ведомости. 1886. № 12. С. 217, 219.

³⁶ Надеждин А., священник. Указ. соч. С. 117.

³⁷ Нектаров М., священник. Указ. соч. С. 274.

³⁸ См.: Грозное вразумление... С. 469.

³⁹ См.: Просто ли совпадения? // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 29–31. С. 281.

⁴⁰ Божья кара // Пермские епархиальные ведомости. 1909. № 6. С. 103, 104.

алчности,⁴¹ беспечности и пренебрежения церковными правилами;⁴² они пристрастились к алкоголю⁴³ (в 10 случаях из 29 поведение преступников было вызвано сиюминутным опьянением и/или усугублялось давним пристрастием к алкоголю, причем ни один такой случай не относится к старообрядцам), нарушали святость семейного очага⁴⁴ и, в конечном счете, вносили разлад в общество («развращая»⁴⁵ народ, заражая его «нигилизмом»,⁴⁶ «разжигая низменные страсти»⁴⁷).

Из этого правила не много исключений. В качестве одного из них укажем отречение православной женщины от «истинной веры», вызванное «различными истязаниями, которым неоднократно подвергали ее в семье мужа [старообрядца]»: ⁴⁸ подразумевалось, что погибшая стала жертвой дурного окружения, а не собственной испорченности (что не помешало автору обосновывать справедливость смертельного исхода для «отступницы»). Священник И. Ландышев переживал смерть своего прихожанина как заслуженную, но оттого не менее трагичную, отчасти, возможно, лежавшую на совести пастыря, который не смог обратить грешника на путь истинный: «Вижу я следы гнева Божия на теле твоём и потрясе на душа моя; а твоя душа — где? Аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится? (Петр. 4, 18). Печальная память о лютой смерти твоей...».⁴⁹ Наибольшую долю сочувствия получила «бабушка-повитуха», чью внезапную смерть священник Ст. Попов назвал «печальной»: ⁵⁰ по-видимому, он считал суровость кары не соответствующей серьезности проступка (мгновенная смерть за необдуманную, но не злонамеренную шутку). Один из показателей авторского отношения — от-

сутствие негативных коннотаций в характеристиках покойной.

В остальных же историях в эмоциональной интонации церковных публицистов утверждалась неприязнь к богохульникам, удовлетворенность их наказанием, даже радость⁵¹ при виде поверженного врага. Соответствующие оценочные нормы исходили из библейской традиции: ключевые формулы — «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6, 4) и «смерть грешников люта» (Пс. 33, 22).⁵² Протоиерей Н. Тихомиров прокомментировал смертный приговор раскольницы словами из труда св. Киприана Карфагенского «О единстве церкви»: «Оставляющий церковь Христову лишает себя наград, предопределенных Христом. Он чужд для нея, он не потребен ей, он враг ея... Он раб непокорный, сын дерзкий, брат неприязненный. Сии люди хотя бы предали себя смерти за исповедание имени Христова, — грех их не омоется и самую кровью. Неизгладимая и тяжкая вина разделения не очищается даже страданиями».⁵³

Перечисленные эмоциональные сценарии выполняли функцию оправдания участи погибших посредством их дегуманизации (если богохульники — дерзкие и бесстрашные злодеи, утратившие контроль над собой, люди с помутненным сознанием и неукротенными чувствами, угроза для общественного спокойствия, то они недостойны жалости, их страдание и гибель — итог справедливого суда).

*Страх на фоне божественной кары:
эмоции грешника, его окружения
и автора «былички»*

Для эмоционального воздействия на читателей использовались подробности гибели грешников, образы физических мучений и изуродованных трупов; также авторы изображали предсмертное эмоциональное состояние жертв и эмоциональную реакцию очевидцев происшествия, передавая их читателю журнала и тем самым вводя его в заданный и одобренный сочинителем эмоциональный сценарий.

Наиболее очевидный эмоциональный сценарий — переживание страха/ужаса (перед

⁴¹ См.: Т-ий А. Указ. соч. С. 327; Божья кара // Пермские епархиальные ведомости. 1909. № 6. С. 103, 104.

⁴² См.: Ильигорский И., свящ. Указ. соч. С. 463; Надеждин А., свящ. Указ. соч. С. 116; Ландышев И., свящ. Указ. соч. С. 30; Грозное вразумление... С. 469.

⁴³ См.: Ландышев И., свящ. Указ. соч. С. 29; Трофеев Вл., свящ. К вопросу о борьбе с народным пьянством // Рязанские епархиальные ведомости. 1912. № 3. С. 105, 106; Бог поругаем не бывает // Рязанские епархиальные ведомости. 1911. № 20. С. 812; и др.

⁴⁴ См.: Нектаров М., свящ. Указ. соч. С. 273, 274; Ландышев И., свящ. Указ. соч. С. 29.

⁴⁵ Чудеса в наши дни... С. 294.

⁴⁶ Грозное вразумление... С. 469.

⁴⁷ Чудеса в наши дни... С. 294.

⁴⁸ Тихомиров Н., прот. Поучение в день собора св. Архистратига Михаила (8 ноября) // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 30. С. 643.

⁴⁹ Ландышев И., свящ. Указ. соч. С. 31.

⁵⁰ Попов Ст., свящ. Вразумление свыше // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 17. С. 812.

⁵¹ См.: Грозное вразумление... С. 469.

⁵² См.: Бог поругаем не бывает // Рязанские епархиальные ведомости. 1911. № 20. С. 812; Семенов Н., свящ. Бог поругаем не бывает // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 13. С. 173; Нектаров М., свящ. Указ. соч. С. 274; Беллюсов К., свящ. Указ. соч. С. 491; Ландышев И., свящ. Указ. соч. С. 31.

⁵³ Тихомиров Н., прот. Поучение в день собора св. Архистратига Михаила (8 ноября) // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 30. С. 643.

смертью другого, перед собственной смертью, перед способностью Бога творить возмездие за «хулу»). Можно представить этот ужас как трехмерный: 1) чувства грешника, 2) чувства свидетелей его смерти, 3) чувства самого автора/рассказчика (хотя рассказчик (информатор) и записавший (публикатор) не всегда одна и та же фигура, в области эмоциональной оценки они чаще всего выступают единым фронтом).

Первое измерение страха — чувства жертв наказания. Обращает на себя внимание, что, в то время как страх повествователя и свидетелей смерти-«чуда» обычно присутствуют в источнике в ярко выраженной форме, страх преступников почти не обозначен: они либо не успевают осознать пришествие кары (случаи внезапной смерти), либо их предсмертный страх остается за кадром. Во многих публикациях эмоциональное состояние преступников в момент совершения богохульства описано подробно, посредством их прямой речи и данных с позиции очевидца характеристик: мы, следовательно, не можем приписать умолчание о последнем этапе их эмоциональной жизни исключительно неведению рассказчика. Предположим, что прямая речь умирающих (Я-высказывания типа «мне страшно», «мне больно») была способна сместить фокус читательского внимания с праведного гнева и благочестивого страха (заданы позицией наблюдателя-моралиста) на сочувствие к ним (при взгляде изнутри, с позиции осужденного), нарушив «верный» сценарий отношения к «врагу»⁵⁴ православной веры и церкви и создав нежелательный образ чрезмерно жестокого Бога.

Единственное в нашей выборке развернутое описание эмоций богохульника, осознавшего угрозу смерти (но не своей, а ребенка), — это реакция матери на гибель сына: «Кусочек пирога... остановился у него в горле. Напрасно принимает она все обычные в таких случаях меры, чтобы кусочек или прошел чрез горло, или вышел вон, — мальчик задыхается, лицо его багровеет, черты его обезображиваются конвульсиями. С ужасом и отчаянием мать хватает своего ненаглядного на руки и бежит с ним к доктору»⁵⁵ (физиологические подробности, безнадежность борьбы с волей Бога, ужас и отчаяние матери). Публицистическая обработка женского образа придала ему яв-

ную эмоционально-оценочную нагрузку, побуждающую читателей занять позицию неприязненного осуждения: жена «значительного чиновника», с «модным образованием», «нигилистка», бесстыдная, «безумные речи», «сын — нареченный бог».⁵⁶

Косвенным свидетельством предсмертного ужаса является деталь внешнего вида трупа (следы «телесного чувствования»⁵⁷): «глаза почти выскочили из орбит»,⁵⁸ «выкатившиеся наружу глаза».⁵⁹

Ужас покаранных мог сопутствовать их раскаянию. Священник Н. Семенов указал единственный путь спасения для грешника, осознавшего тяжесть совершенного: «принести чистосердечное покаяние», поспешно воссоединиться с православной церковью и через это «принять христианскую кончину».⁶⁰ Он, таким образом, не допускал мысли, что преступник мог избежать смертного приговора: покаяние изменяло только «качество» смерти. Отмечены ли в источниках моменты раскаяния? В нашей выборке есть пример раскаявшегося атеиста (публикация 1917 г.): раненый «попросил позвать к нему священника... исповедался в своих грехах и главным образом в том, что он отступил от Бога — заблудился; после исповеди приобщился Св. Христовых тайн и умер».⁶¹ Интересно, что из более позднего пересказа того же сюжета другим автором (публикация середины 1918 г.)⁶² мотив раскаяния исключен: этот пересказ также отличается более неприязненным и непримиримым отношением автора к богохульнику, его характеристики несут более заметную негативную коннотацию (объяснимо ли это влиянием исторических обстоятельств публикации, углубившимся расколом между большевиками и церковью?). По общему же правилу грешники умирали нераскаянными.

Второе измерение страха — чувства очевидцев кары. Подтверждается вывод Ю. М. Шеваренковой: «личность свидетеля, его состояние нередко представлены в драматическом освещении».⁶³ Яркий пример — реакция старообрядцев-извозчиков на гибель товарища: «...страх приковал их ноги. Каждый понял и предугадывал, что с их товарищем случи-

⁵⁴ См.: Там же. С. 469.

⁵⁵ Плампер Я. Указ. соч. С. 439.

⁵⁶ Дударев М. Смерть раскольника кресторугателя // Тобольские епархиальные ведомости. 1886. № 12. С. 218.

⁵⁷ Бог поругаем не бывает... С. 812.

⁵⁸ Семенов Н., свящ. Указ. соч. С. 173.

⁵⁹ Ильигорский И., свящ. Указ. соч. С. 464.

⁶⁰ См.: Чудеса в наши дни... С. 294.

⁶¹ Шеваренкова Ю. М. Указ. соч. С. 56.

⁵⁴ См.: Тихомиров Н., прот. Поучение в день собора св. Архистратига Михаила (8 ноября) // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 30. С. 643, 644.

⁵⁵ Грозное вразумление... С. 469.

лось что-то ужасное»; при виде трупа они «с ужасом отскочили, как ошеломленные», «все четверо были как бы парализованы. Ноги отказывались двигаться, язык не мог говорить, взоры какой-то сверхъестественной силой, против собственного их желания, обращены были к трупу!»; их «объял ужас».⁶⁴

Третье измерение страха относится к эмоциям автора текста. Повторим, что в области эмоциональной оценки зрители и повествователь обычно совпадают, например в таком контексте, как: «О, страх и ужас!»,⁶⁵ «...ужасное зрелище представилось очевидцам: за живо изжаренный человек»,⁶⁶ «его постигла ужасная смерть»,⁶⁷ «в страшных мучениях, через двое суток умер»,⁶⁸ «сильное головокружение и страшные судороги»,⁶⁹ «труп несчастного Федора и теперь лежит в мертвецкой, будет лежать до судебно-медицинского осмотра и наводить ужас на поселян»⁷⁰ и пр.

Более изолированно и четко страх автора перед Божьим судом выражен в монологе священника, отреагировавшего на антицерковную реплику прохожего воспоминанием о разных случаях кары: «Как сильнейший гром, поразили меня богохульные слова. Мгновенно, при этом, пришли мне на мысль... примеры явных, страшных наказаний Божьих за богохульство...».⁷¹

Обозначенный публицистами страх мог являться не столько искренне ими пережитым, сколько формульным (формула «смерть грешников люта» (Пс. 33, 22) перерождалась в «ужасную» смерть, «страшное» зрелище и пр.). Публицисты не оставались равнодушными к излагаемой истории, однако страх предназначался прежде всего на долю паствы (и, вероятно, нередко изначально — в составе устного рассказа — проистекал из ее среды), в то время как пастыри тяготели к другому комплексу эмоций (торжество — вплоть до замаскированного под жанровую традицию злорадства — при наглядном подтверждении истины своего учения, облегчение при виде защищенной от поругания святости и др.). Реакция набожной крестьянки на гибель атеиста-сына — спокойная удовлетворенность — подразумевала, что удивление и ужас при виде «Божьего суда» — удел маловер-

ных, в то время как благочестивая христианка во всем происходящем определяет перст Божий: «Когда присутствующие увидели на колесе изуродованный и бездыханный труп и о сем сообщили матери, она ответила, что такой конец жизни ее сына неудивителен, ибо это есть праведное Божие наказание хулителя св. веры».⁷²

Угроза страшной («лютой») смерти за «богохуление и нечестие»⁷³ могла использоваться священнослужителями в ходе борьбы с идеологическими противниками. В частности, на страницах «Рязанских епархиальных ведомостей» представитель духовного сословия выразил солидарность с позицией Иоанна Кронштадтского, предрекшего «величайшему еретiku» Л. Н. Толстому карательную смерть за «грех неверия и богохульства»: «Смерть грешника люта (Пс. 33, 22). И смерть его — Толстого будет страхом для всего мира. Конечно, это скроют родные».⁷⁴

Таким образом, эмоциональная сфера рассказов о «каре Божьей» конца XIX — начала XX в. соответствует их основной жанровой функции — сформировать «правильное» отношение к религиозному преступлению: «Печальная память о лютой смерти... да будет в обличение многим, да и прочие страх имут во спасение» (1 Тим. 5, 20; Иуд. 1, 23).⁷⁵ Особенность источника — его возникновение и бытование на стыке двух культурных слоев, двух эмоциональных сообществ — духовенства и православного крестьянства — отразилась и в двух направлениях его эмоционального воздействия на аудиторию. «Народом» (паствой) рассказы о «каре Божьей» должны были прочитываться как основанные на страхе перед «лютой» смертью нравоучения, акцентирующие внимание на границе между дозволенным и недопустимым — жестоко наказуемым. Читателям следовало проникнуться неприязнью и гневом по отношению к богохульнику (способ отчуждения от грешника и олицетворенного им греха), утрашиться формы, которую принял Божий суд, покаяться в собственных грехах и изменить свое поведение в соответствии с церковными наставлениями. Собратьев же по церковному служению эти истории были призваны воодушевлять и укреплять в вере, формировали у них ощущение собственной избранности как приближенных к Богу-чудотворцу, усиливали корпоративную солидарность.

⁶⁴ Дударев М. Указ. соч. С. 218, 219.

⁶⁵ Надеждин А., свящ. Указ. соч. С. 117.

⁶⁶ Ландышев И., свящ. Указ. соч. С. 29.

⁶⁷ Поникаровский П., свящ. Указ. соч. С. 528.

⁶⁸ Чудеса в наши дни... С. 295.

⁶⁹ Наказание Божие за уклонение от военной службы... С. 693.

⁷⁰ Ландышев И., свящ. Указ. соч. С. 30.

⁷¹ Сюрприз за сюрпризом // Рязанские епархиальные ведомости. 1913. № 16. С. 627.

⁷² Нектаров М., свящ. Указ. соч. С. 274.

⁷³ Предсказание о. Иоанна Кронштадтского о смерти Толстого // Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 23. С. 815.

⁷⁴ Там же. С. 815, 816.

⁷⁵ Ландышев И., свящ. Указ. соч. С. 31.

Anna A. Bushueva

Master of History, Kurgan State University (Russia, Kurgan)

E-mail: anna_b2022@mail.ru

STORIES ABOUT THE DEATH OF BLASPHEMERS IN DIOCESAN JOURNALS
OF THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES IN THE CONTEXT
OF THE HISTORY OF EMOTIONS

The article examines the features of stories about the “punishment of God”, or stories about the “miraculous” death of blasphemers, published in Russian diocesan journals of the late 19th — early 20th century. The historiographic gap in this area determines the novelty of the work. In addition to the traditional methods of historical research, the research methodology was based on the model of the “emotional process” by N. Frijda and B. Mesquito, the concept of “public images of feeling” by K. Geertz (“emotional matrices” by A. L. Zorin) and B. Rosenwein’s concept of textual “emotional communities”. Narrative monotony of stories about the “punishment of God”, their rigid genre framework, their belonging to the community of authors and readers from the clergy, made it possible to single out stable emotional structures in them. Firstly, blasphemy is presented in the form of an “emotional” crime, the characteristic features of a “blasphemer” as a subject of emotions are highlighted: it is a source of destructive experiences, unable to control feelings that are destructive for him and harmful to others (anger, malice, hatred), prone to impious fun, bold. Secondly, a blasphemer is considered as an object of emotions of a religious “moralist”, in the role of which the author (narrator) of the story acted and, as it was supposed, the reader of the text should have acted: this is hostility towards the sinner, alienation from him, satisfaction with the disastrous outcome of his “crime”. Thirdly, the forms of expression of the key genre emotion — fear (horror) are investigated, a three-dimensional model of its analysis is proposed: fear of the victim of “God’s judgment”; fear of eyewitnesses of the “miracle”; fear of the author — commentator and publisher.

Keywords: *history of emotions, Russian Orthodox Church, diocesan journals, church journalism, blasphemy, thanatology*

REFERENCES

- Aksenov V. B. *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovyye nastroyeniya rossiiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918)* [Rumors, Images, Emotions. Mass Sentiments of Russians during the Years of War and Revolution (1914–1918)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2020. (in Russ.).
- Aksenov V. B. *Voyna patriotizmov. Propaganda i massovyye nastroyeniya v Rossii perioda krusheniya imperii* [War of Patriotisms. Propaganda and Mass Sentiment in Russia during the Collapse of the Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2023. (in Russ.).
- Amosova A. A. [The Soviet Elite of Leningrad 1950–1956: Emotional Aspects of Official Daily Life]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2020, vol. 10, no. 3, pp. 667–684. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.307 (in Russ.).
- Buldakov V. P. [Emotional Narratives of the Civil War in Russia (Provincial Newspaper Poetry, 1918–1920)]. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voyennykh ispytaniy, 1917–1922: materialy mezhdunar. kollokviuma* [Civil War in Russia: Life in the Era of Social Experiments and Military Trials, 1917–1922: Materials of the International Colloquium]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020, pp. 199–210. (in Russ.).
- Godunov K. V. [Anniversaries of the October Revolution during the Civil War: Revisiting Features of the Soviet Emotional Regime]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2022, no. 1 (56), pp. 112–121. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-1-112-121 (in Russ.).
- Golikova S. V. [“Klikushestvo”: Emotions and Authorities (On Urals of 19th — Early 20th Centuries Materials)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2009, no. 4, pp. 52–59. (in Russ.).
- Kobozeva Z. M. *Meshchanskoye sosloviye g. Samary v prostranstve vlasti i povsednevnosti (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.), ili Rasskaz o “dushe s povinnostyami”* [Burgher Class of Samara in the Space of Power and Everyday Life (Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Century), or the Story of the “Soul with Duties”]. Samara: Samarskiy universitet Publ., 2013. (in Russ.).
- Makarova N. N. [Emotional Community and Everyday Life of the Teachers of Magnitogorsk (1929–1941)]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2020, vol. 10, no. 1, pp. 168–182. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.111 (in Russ.).

Milchina V. [Russian Scientific Conference “Autobiographical Sorrow: Emotions in Personal Narratives and Research Practices of the 16th–21st Centuries” School for Advanced Studies in the Humanities, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 30 September – 1 October 2022]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 2023, no. 2, pp. 400–413. DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_400 (in Russ.).

Netujilov K. E. [Eparchial Periodicals in Pre-Revolutionary Russia]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal Of Humanities & Sciences], 2006, vol. 7, no. 21-1, pp. 174–182. (in Russ.).

Plumper Ya. *Istoriya emotsiy* [The History of Emotions]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. (in Russ.).

Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoy istorii emotsiy [Russian Empire of Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2010. (in Russ.).

Rozhkov A. Yu. [Emotional Experiences of the Young Man Prisoner of OGPU (Krasnodar, 1928)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Idea], 2017, vol. 9, no. 6-1, pp. 95–103. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-95-103 (in Russ.).

Shevarenkova Yu. M. [Legends-Bylichki as a Genre Variety of Folklore Legend]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Philology], 2003, no. 1, pp. 52–57. (in Russ.).

Shtyrkov S. A. [Punishment of Sacrilegers: Folklore Motive and Narrative Scheme]. *Trudy fakul'teta etnologii* [Proceedings of the Faculty of Ethnology]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge Publ., 2001, iss. 1, pp. 198–210. (in Russ.).

Steinberg M. *Proletarskoye voobrazheniye. Lichnost', modernost', sakral'noye v Rossii, 1910–1925* [Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925]. Saint Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossika Publ., 2022. (in Russ.).

Strelkova O. S. [Short Stories about Miracles in “The Kursk Diocesan Gazette”]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2011, no. 6 (44), pp. 253–259. (in Russ.).

Valitov A. A. [History of the Tobolsk Diocesan Gazette]. *Trudy Tobol'skoy Dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Tobolsk Theological Seminary]. Tobolsk: Tobolsk Theological Seminary Publ., 2011, vol. 2, pp. 48–56. (in Russ.).

Zakharova Ya. [“Through Tears: Russian Emotional Culture” International Conference Institute of Russian Literature Pushkin House, RAS; New Literary Observer, 25–26 November 2022]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 2023, no. 2, pp. 379–384 . DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_379 (in Russ.).

Zorin A. L. *Poyavleniye geroya: Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The Appearance of the Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the Late 18th – Early 19th Century]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2016. (in Russ.).

Для цитирования: Бушуева А. А. Повествования о смерти богохульников в епархиальных ведомостях конца XIX – начала XX века в контексте истории эмоций // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 185–193. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-185-193.

For citation: Bushueva A. A. Stories about the Death of Blasphemers in Diocesan Journals of the Late 19th – Early 20th Centuries in the Context of the History of Emotions // Ural Historical Journal, 2024, no. 2 (83), pp. 185–193. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-185-193.